

Ю. Сорокин

К ЛЕГИТИМАЦИИ ВЫСОЦКОГО

Владимир Высоцкий не политический диссидент,
Не фрондирующий правозащитник, —
Но актер, менестрель, скоморох, — фонограмной эры бретер...
В сорок чуточку оппортунист,
В тридцать — "популярный" /народный/ стихийный инсургент,
В двадцать /и навсегда/ — стихотворящий, поющий — "керуаковский" —
битник.

"Свитарники" — Керуак, Монтан, Брассанс — в его хрипе:
адские трассы, сквозь пампасы к морю моторизованный марш,
жестокость предместий, одиночество, судьбы затяжное пике,
страх пустоты, неведомый
зрящему Тартар Агриппе...

Кроме того — еще Теркин, угодивший не в тартар — в штрафбат,
Шукшинские чудики, урки, соц-реализма неприкаянные изгой —
то ли йети, то ли хиппи —
Люди-волки, чей оскал в ухмылке шербат.

Легендарный при жизни, бывший почти что богом — тем,
Кто себя в подворотнях подстраивал песням его вровень, —
Освоенный масс-медиа,
Орфей — прирученный орел, прячущий хищный кривой коготь,
Хищник, забывший, утративший жажду живой крови.

Без песни о аэродромной таможне,
О коммуналке 40-ых, где вместе — калеки и воры,
Без "вот покатилаь вторая звезда — Вам — на погонь",
Без того, что ещё "нельзя", только с тем, что теперь — "можно", —
В комфортных стенах телестудии — словно Разин в роскошной раме,
писанный маслом, на салонной картине, —
Высоцкий — как Бунин без "Дней окаянных",
Пастернак — без "Живаго",
Мандельштам без строк о выродке "осетине".

Говорю вам: если хотите дарственно
Возвратить народу подлинные шедевры певца,
А не балаганную дребедень под скоморошечьей маской,
Дайте гражданственное,
Дайте его социального "необщее выражение лица",
А не "жиряфу", "Кука", либо, там, "скалолазку"...

Высоцкий — шаман, камлающий стихи,
Супер-сенс живого человеческого слова,
Медиум среди бесовских личин человеческой, полу-волчьей, стихии —
Вами приглажен, вымыт, профильтрован.

.

И все-таки:
Врублены ящики за полночь от подвалов до крыш,
Явлен певец экранами стране бессонной...
Маяковский умер, чтоб с иконы не сорвался в Париж,
Полу-парижанин Высоцкий — чтоб обернуться иконой.

Ю. Соколов

Утром ноября 17-го у Спаса-на-крови

На облетевший сад -
На ветви, на узор чугунный, -
На гладь смущеную тишайших вод,
На крам в лесах,
На уток, на асфальт нешумный
Сень неба осени сгустившаяся льет -
Как благовест, как всепрощение,
Как искупление тягчайших бед -
Молочный, разжиженный, всепроникающий,
Божественный,
Вещественный до осязанья,
Свет.

1986, ноябрь, 17-ое

Петербургская ночь

Ночь. Сумерки. Цветущая сирень.
Нева в угаре дымки теплоходной.
На севере заря, на юге тень;
В зените — перламутр крыла посольской "хонды".

Ночь: луж слюда, бензиновый туман,
Флакон календулы, моча у подворотен;
Асфальтов тошно-приторный дурман —
В Десятой линии, в Одиннадцатой роте.

Ночь — машущая крыльями мостов —
Фантазм, чудовище, упырь, химера:
Царь в Зимнем, Киров в Смольном, Досто-
Евский бродит по Кузнечному, а в Летнем —
сакральный мрамор из краев Гомера.

...Ночь — спазм чувств, ночь — сон без сна.
Ночь — белый идол, статуя, камня роковых видений.
Рыбак придонную расправил снасть:
Ночь клейкой чешуи, ночь — рыба пасть;
Ночь — белый поводырь: того, кому понасть
На Пряжку, в Крепость, или... — на Дитейный.

1985, июнь, 30-ое

W. Соколов

У Вечности ...

У Вечности два вороних крыла, - ...
Их взмахов круг - как вздох и выдох
Миров, чья в Бесконечности плыла
Неподражаемость: цвела и отцвела -
Бесследно - как луча случайный вывих.

У Вечности два ястребиных взгляда,
Всех бритв острее лезвия когтей,
Сок млечных желез безнадежней яда, -
Неотвратимой поступью пифагорического ряда
Перечисляет Вечность - химер Ея затей.

У Вечности - два тайных увлечения; ...
Как две стихии - Пустота и Твердь -
Две несовместных страсти, ... - Вечное томленье
Двойным развеивая повеленьем, +
Два развлечения: Рождение
и Смерть.

1984, декабрь, 22-ое

Ю. Соколин

Дэвиду Эттенборо

О, если правда: под луной,
Сменяясь в ритме лихолетий,
Форм проявленья, чередой, -
Одной Идеи многоклетье...

О, если жизненный огонь,
Через мириады поколений
Летящий, как крылатый конь, -
Угрозой Власти повеленье...

О, если - взрывчат! - луч Сознанья,
Пронзивший черный небосвод, -
Одна из волн Пучины Знанья,
Сквозящих чрез Пучины Вод...

О, если так! - то жизнь моя -
Сдаюсь... - молекула лишь Б Ы Т И Я

1986, июнь, 29-ое

W. Софронин

В оранжерее на углу Потемкинской и Шпалерной

В вазах розы - как розово-белые цапли, -
Как шаманов заката - фламинго, цвета пламени, алых семья;
Как тяжелые крупные красные винные капли,
Как вишнево-лиловые раструбы черных протуберанцев огня.

Розы - грубой и нежной - вещества воплотившаяся вселенность:
Восковая податливость - и невообразимая жесткость, -
Будто роза - прообраз пространства, эфира хрупкий кристалл;
Одухотворяющая, богоявленная нетленность,
Слова, душу преобразующего, остова,
Квинтэссенция - пятая сущность, - лишь незрячий иную искал.

О, как воздух тяжел,
Как пространство - пронизано цветом,
Как насыщена запахом мысль,
Как прекрасна дарящая розы земля;
Помещенный в хрустальный дворец, стеклом отделенный от неба,
Человек розовеет, - вместе с цветом и запахом роз
Обретая - как в молитвенном храме - через божество - себя.

1986, сентябрь, 9-ое

Ю. Сорокин

Посторонний
(l'étranger)

← оставь страну
без собак

Надоел мне край оранжевых собак,
Надоел мне край раскрашенного солнца,
Я лечу, ушами разгоняя мрак,
Голова пуста, как блюдечко японца.

Проплывают мимо горы и долины,
В облаках расселись радужные сны,
Хочется малины, хочется рябины,
И совсем не хочется атомной войны.

А надо мною звёзды, знаки-зодиак,
В бархат неба вшиты, блещут - хороши.
Прибежал астролог и сказал мне строго:
- Не ищи свободы для своей души!..

связь
Техно-
пил

→ ... Для души китайца я рекомендую яйца,
Для души японца - велосипед,
Для тебя ж, агностика, в этом мире гостя лишь,
На кофейной гуще только слово "нет".

ПРОСТО
ЗАИГТАЯ

Нет тебе покоя, нет тебе удачи,
Нет тебе удела, нет тебе любви,
Нет тебе морковки, нет тебе селёдки,
Нет тебе - закона, нет тебе - судьбы.

Так и будешь плавать в хлопьях белой пены,
Стряхивать ушами голубую гарь...
В чёрных водах Стикса, на краю Вселенной,
Выловишь, наверное, радужный фонарь.

Ю. Соколов

Метаморфоз
(elegia)

Грѣз затянувшийся обман
столь сладок... Призрачен... Так ясен.
Вот улетучился. Как фимиам. Но сколь дурман
прозрения -
о, миг вневременной,
о, превращенья бытия -
ужасен.

Цветок живой -
так трепетен, так нежно выдуман, так дивно
виден.
Осыпался... И жѣсткий стебель
безжалостен, как на арене
сталь клинка,
застрявшего
в загри-
вке
 бы-
 чей
 вы-
 и.

~~О, жало алгеброю превращений~~ ~~иссушённых~~ -
~~уморительных~~

~~умиротворительных~~ ~~чувств~~.
умиротворительных - чувств.

Ю. Сорокин

Когда утром, разбухшим карбонно-жестким
голосом верна-бодришевал издеи,
одурманен

Гибель "Титаника"

Когда утром, — недупроскувшись, одурманенный ужасами сновидений и микроотравой пищевых и атмосферных инклюзий, с безопасным сознанием бессмысленности бытия ^{полуприснувшись} — в последнюю купель, в свою ледяную ванну, когда холод железной ладонкой хватает за сердце, а ватерлинию шеи жмет, словно дуновением струй фреона, когда душа застревает где-то между ослившимися вибраторами голосовых связок, а сознание отрывается от тела и бдуждает где-то в космическом межзвезде, — каждый раз в этот торжественный момент я вспоминаю гибель "Титаника".

Я снова вижу (откуда-то сверху и слегка сбоку) устойчивый рисунок, след водоворота, на поверхности океана, шипки вдали, и, в другой стороне, влекомое течением скопище сцепеневших тел, и — айсберги, обломки айсбергов, крошево айсбергов ...

Почему "Титаник", а не полярный конвой PQ17?
Не знаю.

.....

Я вспоминаю огромный корабль, иллюминированный новорожденным электричеством, подобный сияющему видению Феллини. Банкиры в чёрном с жёлто-восковыми шарами слоновой кости стоят у зелёного стола биллиарда. Инженеры с скатыми губами и холодным взглядом новых жрецов курят модные длинные папиросы. Невообразима необузданная роскошь и мишура ресторанов: хрусталь, прозрачный фарфор, серебро, хрустящие скатерти, манжеты, манишки, салфетки, фраки, фалды, галстуки, подтяжки, веера. Сверкающая медь труб, золото саксофонов, тёмный лак скрипок

(либелъ Титаника)
(пророкъ еше)

Страдивари. Мерцающее переливчатое сияние
шинилл, песцов, соболей, каланов. Африканский
колорит гепардов, пум, пантер, ягуаров, сибир-
ской рыси. Режущий, беспощадный, блеск
бриллиантов - море, океан бриллиантов - чёрных,
жёлтых, голубых, бесцветных - все чистой воды.
Магические многогранники огранки, магия огня,
метафизика символов. Квинтэссенция претензий
этого мира, вызов энтропии, конечности бытия,
смерти, даже - может быть - небу.

И небо (может быть) приняло вызов.

И океан - огромный, как небо - поглотил
и блеск камней, и порох купюр, и гордый миф
абсолютной надёжности.

И каждый раз, снова и снова, в моём про-
буждённом сознании возникает гигантский водо-
ворот, медленно, плавно закручивающий гребни
океанских валов в феерическую водяную шутику,
так похожую на снимки далёких галактик
из книжек про астрономию.

1982 зима, в день солнцеворота

К А. Л. Хвостенко

Квадрат гранитного собора
Упруг и тесен, как гранат, -
Его зерна гранит пунцовый
Дарит старинный Арарат.

Графит старинного стекла
Гранит осколков света блики,
И блёкло блестящий металл
Явит чеканенные лики
Святых, застывших в узких нишах
По стенам жёстким и остывшим.

А над конической вершиной
Скелет столь узкого креста,
Взнесённый ввысь, семиаршинный,
Будто чугунная стрела, -
Символ претензий непомерных, -
Как длань клинка над шлемом медным.

...Под срубом северных соборов
Тебя манит армянский храм:
Тогда, взирая на помора,
Ты мыслью мчишься в Ереван.

Скажи, зачем тебе Севан?
Там спит форель на хрупкой ветке.
Гляди: за связью древних рам
Ещё твой Бог, обугленный и ветхий.

Ещё твой бок прилеплен к парпету.
Ещё твой блок качается по ветру.

Ещё твой плуг лущит щепу болот.
Ещё твой плут плетёт плетень тенёт.

Ещё в дупле сидит твой огурец -
Блажен и весел нежный огурец.

Ещё ползёт по телу мягких мыслей
Мясистый клоп, подвижностью напыщен.
Ещё твой клоп в твой маленький уют -
Чарующевлекущий чахлый спрут !

И как Кааб благого Магомета
Обтянут чёрноугольной парчой,
Твой блик (как бледен блеск кометы)
Ещё затянут паранджой.
Твой лик дымка травы тян-шанской
~~Колблет~~ сладостный дурман...
Колблет

Алешенька, а не распить ли нам пол-банки ?
А завтра уж - все непременно - в Ереван !

АНТОЛОГИЯ

Здесь нам как-будто куда-то до России,
которую некогда посетил Гоголь...
А. Хвостенко

Мандельштам, Ходасевич, Пастернак, Фейтс — еврей
Набоков (подобно Чаадаеву) — англичанин
Лермантов, а с ними Цветаева — романтические германцы
Пушкин — афрофранцуз (либо, если угодно, франкоафриканец)
Ахматова — подобно Окуджаве с Ахмадулиной —
в сущности, поэтеса татарская
Гоголь — типичный малоросс
Маяковский — скажем кавказский
Блок, Бальмонт, Белый, Брюсов, Бунин — шведы
(и, наверное, Надсон — северлины)
Остаток: Тредьяковский, Ломоносов, Державин,
Семен Бобров, Тютчев, Денис Завыдов, Полонский,
Боратынский, Кольцов, Демьян Безымянный, Горький,
Твардовский, Есенин, Симонов, Высоцкий, Галич
... И, пожалуй, Алёша Хвостенко

Возможности

Лучше мне было остаться в Египте:
сейчас я бы был императором всего Востока

Наполеон

Он вытаскал из карманов Историю,
прочитал и начал свистеть о небергурских мостовых

А. Хвостович

Если бы я остался в Британии — и был англичанин, —
франшировал бы по набережным и в
в парковых аллеях бриджах,
пил пиво в пабах
и в доках играл в бридж, —
и смотрел бы на маслянистую воду

с моста Ватерлоо.

Будь я француз — бродил бы без карты по Шанз-Элизе,
и улыбался бы холодными губами элегантно и
и их галантно вобалам.

В качестве немца похитил бы друзей брызжущих соусах
и мергал о Локрее.
Безузорной вилок

Треком пыталась маслинами, фехалитом, обертывала сворачивала
и танцевала сиртаки.

И станцевала обожаю бы корриду,
и, как буриданов осёл, раздвигалась между левым
и правым.

... Но я — житель страны развитого социализма.

Я — как в аннексии Истории — прописана
в коммунальной квартире.

Я подаю прошение о въезде в Израиль.

Я сижу в отказе —
как кролик в катакомбах —
как больной Наполеон на острове Св. Елены.

Я стою на голове, бегая трусцой по петербургским
мостовым, Френеруно первая холодная
водой, а дух — погодателем...

И умоваю на эволюцию общественного
сознания и внешней политики.

1 января 1983

Ю. Сорокин

Попытка воспоминания

Ночью, когда сворачиваются листья,
А членистоногие цепенеют,
Завораживает шорох шелестящих страниц,
Словно шелест струн лютни-цинь
Оранжеволицы́х жрецов Дзен.

три!
интервью

Ночь, шаман восточный, пленительно-страстный,
Как трепетно-терпкий шелест цикады,
Как звёздные гимны мудреца Заратуштры,
Заcharовывает. И оцепеневаешь,
Погружаешься в омут фантастических грёз,
Отрешённый,
В безвременьи простора
Зубчатокаменной башни.

А утром звенят струны лучей,
У замковых ворот гулкие удары
В барабаны молочных бидонов,
Двор полон тёмного шелеста листвы,
Варится чай... ^{Зим?} И вдруг нечаянный
Тонкий звон вороного клинка;
Перевязан эфес чёрным бантом.
Выпад, туше, две вероники, ката,-
Как изысканен танец кармы,-
И на камнях
Круг крови,
Как упавшее красное облако
В зареве вечном заката...
И падает, падает -
Сражённый.

! N.B.

Ю. Сарогин
(из "Сборке времени - сборке небезопасности")

4. Дельта
(Ленинград) О+темпера, о+мочез!

О, дельта доледниковой поры!

Розоватый гранит не скуёт твой капризный порывистый нрав.

Ты лишь терпишь это нагромождение камней, расчерченное и водружённое циркулем придворного лейб-строителя.

Эти дворцы, построенные шеренгами, в кильватерном строю, как корабли на параде.

Эти сады, ограждённые литым чугуном и кованым железом, ритмичным и вибрирующим, как застывшие в холоде воздуха ~~фуги~~ Баха и этюды Шопена. ~~фигуры~~

статейки Шопена Шершавый - когда-то белый - мрамор итальянских скульптур, на коих юные абитуриенты культуры упражняются в первозданном - почти античном - язычестве.

Инфрарасовую арфу трамвайных струн, троллейбусных проволок и растяжек.

Ультраструктуру тайных - и явных - каналов связи, сходящихся в громоздком гранитном пристанище...

Запретную сеть отелей, ресторанов, баров - под магическим символом "Intourist" под эгидой аббревиатуры "КГБ", - где ~~пасторальные~~ подментованные ловкачи сколачивают скороспелое состояние, и гладкие улыбчивые визитёры таращатся прозревшими кротятами в реестры псевдо-русской кухни.

Подземную сеть кротовых каналов, по которым голубые экспрессы снуют гигантскими челноками меж хрустально-мраморных дворцовых казематов, этих храмов воинствующего атеизма, изгнавшего проповедующих с паперти, обратившего их куполообразные логова в сияющие музеи разума...

О, дельта. О, времена.

О, длительность...

О, вечность!

4 ноября 1982 года

Идеальность тел Платона
и риманова перспектива параллельных
манили в бесконечный космос,
к другим мирам —
где корити плоти — Разум.

... Прошлое — в чем, нашли этого узора,
этого воспоминанья, — это?
Полнимо умиженья, слез, обид, мезьт — это?
Реальность распонзаета, картинки зримые
вибрируют, согатаат обвоз пространство
кудз-тв вдаль, мерцают, блекнут, изгезают,
растворяют в каком-то странном измереньи...
и вылезают монстры: Восхитительные (поводыри отмершего созиданья)
Жоис, Пикассо,
фильм ~~Фреда~~ "Четыреста ударов", —
ползут по потолку, ползут по стенам,
по полаковым пятнам, по эскизовым узорам,
усаживаются на длиной-длинной полке, подле
полу-поломанной машинки,
старинной, фирмы "Зигер", похожей
на умерший шатуно-кривошипный
^{пропуск} шпиндель паровоза.
На шкафу будильник с колоколом отсчитывает
Третью минуту.

... На завтра, понедельник 28ое, назначен
девятый старт космического "Челнока"
с шестью людьми.
Программа "Шаттл" рассчитана на 20 лет.
А после завтра ЧТО? Что ждет? Или на 100?
И в чем спасенье? ^{пропуск} Быть может...
"Быть может на холме немом..."
За окном, за аквариумным стеклом — аквариумная мгла.
Простуженный, охрипший, боленевшем ^{в застывшем} времени, вне внешнего
пространства, — я — меж двух ХИМЕР.

Реальность — струйка дыма от сигареты!

1983, ноябрь, 27ое, воскресенье

Десять строк десятилетия любви ^{Ю. Сорокин}

Моей Татьяне

- 1 Под знаком страстным Зодиака —
Стрельцом — прищур, косая бровь —
Десятой круг свершён. Однако,
Не меркнешь ты, моя любовь.
- 2 Скажи, в шуми уединенья
Ойшельник гордый, философ,
Каким Сиренам гудито внемлет?
Я — лишь тебе, мал любовь.
- 3 Сиденье радужных созвездий,
Ввысь восходящих вновь и вновь —
Над сонмом гудных сповидений,
О, это ты, моя любовь.
- 4 Гор сине-гёрных поднебесье —
Над бездной в глинах стынет кровь —
Жемгужных струй пардиче завесы —
Ах, — это ты, моя любовь.
- 5 Мелта, полёт воображенья,
Волшебных грёз земная ковь, —
Париж, Венеция, Медина —
Все это ты, моя любовь.
- 6 Страсть Мексика, яд Лотреамона,
Иль лира томная Сафо, —
Кто божд мой властью Дездемона?
О, только ты, моя любовь.
- 7 Затили герцоги Соломона
Златофонянской Петергоф.
Златых цепей садов Цирцей
Сильнее ты, моя любовь.
- 8 Просветлены жрецы Востока,
Аурой блещет Саваор.
Но света мысли жерой жреков
Светлее ты, моя любовь.
- 9 В дни гёрных мрака наваждений —
Дума в обзлитых оков —
Одна надежда божделерна ...
И это ты, моя любовь!
- 10 От страха дней грядущих мерно,
Тихот их ветных слобдных слов,
Спасёт меня единственная вега!!
О, это ты, — МОЯ ЛЮБОВЬ.

1983, ноябрь, 190е

Осенний Ноктюрн

Ю. Сарогин
Ночной зефир струит эфир —
Бежит, шумит Гвадалквивир...

Ночь. Прозрачный туман.
Крыль зданий — кулисы, а дальше —
осоздаемое пространство:

Глубина — как колебен —
Тихина — сверхъестественна.

Где теплые реки сворачивает круто налево,
меж краснокирпичной башней городской водокачки
и бело-желтым массивом института благородных девиц, —
большое, почти пустое — незастроенное, — пространство:
пестрый — с еще петровскими деревянными сваями —
берег, корабельные вежи, створы, знаки,
два сухих деревянных забора:

1. Кольцо метамической цепи скользящее — зацепленно
шелестит по провисшей сталистой проволочной растяжке, —
низкое, приглушённое туманом, утробное ворчанье овчарок,
стережущих забор водокачки башни.

2. ЛДЗ портсигара, скабрено-ленивые полу-фразы
армейских тасовых за суковатыми досками
крашеной — сереющей в тумане — ограды
написадника "благородных".

Меж этими вежами вешки почти километр
тишины, травы, песка, чахлых кустов.

Чуть поодаль: монастырь, странноприимный дом,
склад ржавых труб "Водоканалстрой".

Река... — ночной Гвадалквивир, Гвадалканал,
вандал полуночной Палльиры — холодна,
тайнственна, невозмутима.

На тёрной шпичевой воде, отполированной холод-
ным туманом, как на грани гигантского обсидиана, —
у самого берега, — самоходки и баржа с буксиром
близкими слугами замерли на якорных цепях
в ожидании второй — предупредительной — разводки.

Ещё тас не зауряд в клетках
шипим выдвигаемые цепи, ещё гудят сяд
в незатенённых — камптанских — каютах капитаны.

Сяд гайки и утки.

Только праздный радист караулит на струях эфира
шекспировский призрак правды. Только катер
театральной картонной темью, ногным привидением,
бесшумно скользит вдоль длинных бортов
рудовозов и суховозов.

Ночь — режиссёр талантливый, постановщик подлунный.

Утро всё разрушит.

1983, с 4³⁰ на 5⁰⁰ октября

Ю. Серовым

Упражнение в эгоизме

Я терпел моль,

я летал молью...

(из английской лирики)
(первой волны)

Я — Гойя!

А. Розмексис

Я царь Познания и Свободы!

Лермонтов, "Демон"

Я тот, кто свещенный огонь

возжигает

Пред мёртвой тьмой, отде-

лённый от тела.

кальотский бард Амарген

Я — Homo Sapiens,

я человек разумный —

цивилизованный гражданин XIX века,

размышляющий, требующий, соперничающий, возмущающий.

Я высшее достижение в эволюции сложных структур.

Я самый совершенный биологический механизм.

Я венец Творения.

Я чудо Природы.

Я — все семь чудес Света:

Колосс Родосский, фаросский маяк.

Я египетский Сфинкс, воюю-

щаящий

Химеру,

эолистический,

сербский,

страждущий,

небритый.

Я пирамида из Гизы,

я статуя Аменхотепа.

Я Кальгула, Керок.

Я — христианин во рву львином.

Я пришел с Луны
(и меня тут не было прежде),
я — скиталец во Времени
(и меня тут нет теперь).

Я в этих бунтах
(может быть).

Я за этим скобками
(ногти наверх).

Но вот я за колючей проволокой Освенцима
в рамке Сталина «Выбор Соци», и хочу
выжить любой ценой.

... А теперь я на японской веранде
на окраине Нагасаки, и на меня волнами
нападают обожженные, радирированные,
гребатые смертью, и падают, и в судорогах умирают.
Я сижу забавшись в джунглях Индокитаю,
а вокруг красивые кхмеры медленно
работают пилками из железного дерева.

Я — оледеневший марганцовый кобальт,
кандидат на трансформацию волокушу.

(или бесформный напент психиатрии —
но это по ту сторону
воображения)

Пусть я — оледеневший ~~не~~ плывец,
насажир иланского лагуна, утонувшего
примерно тогда, когда мой дед, выцес,
получил право проживать в Петербурге).

Я, наконец, тот самый мой дед, ездяк
петроградского мандельштамовского трамвая,
университетский профессор мабелатики
с первых страниц четвертой прозы, это
замерз забел на прекрасных Соловецких
островах как раз в год моего рождения.

1983, февраль, ночь с 7го на 8ое

Ю. Сорокин

Площадь Искусств

Спит север в потном оцепенении, —
На тонких ветках хрупкий лёд,
Ногных лапшаг лопая излучение,
Свечение венца вокруг них плетёт.

Воздебы к небу таят и секирь
Врата замидевелье венгают, —
За ними, словно жёлтый призрак,
Мираж двора свозь редкий снег
мерцает.

Нет никого. Брожу арабским шейхом
Ногных видений. Вот — «бродячая собака»...
Вот — стайка тихарей. Фургон «раковая шейка» —
В тот год, когда казалось, кончилась
эпоха мрака...

... да одинакий русский Гений — разгоняя скуку —
Подставил стелу бронзовую руку.

1984, январь, 4 ое

Ю. Сорокин
Без возврата

Аниэ Зиновьевой - в Англию

О, город Святого Петра!
Итальянский, голландский, немецкий.
Тополиносиреневоцветный, серебряный в струях дождя, -
Вибрируешь новой струной в резонансной коробке
Разноцветного моего клавесина, - клавикорда, - клавира (пропуск с двух
сторон от тире)
Сознания, в котором эстетические реалии всё более
Громко звенят гармоническими аккордами,
Отделяясь от прозы своего штукатурного бытия: от
Рутинной суеты эксплуатационно-ремонтных служб,
От копоты чёрной пилы, -
От мраморной оспы - след сернисто-кислотных дождей, -
От безобразных очередей книжных фанатиков с пустыми
глазами,
Что вьются вдоль по каналу возле зингеровской
Египетской гробницы.

... Промокший, я опускаюсь в подвальчик напротив,
С другой стороны канала,
И стою обречённым кандалником в несуразно длинной
процессии
За бильярднообразными пельменями, загоняя которые
В лузу рта алюминиевым четырёххвостым гнутым кием,
Безнадёжно прикидываю, где бы ещё вышить кофе, ибо,
Просохши, чувствую: второго стояния мне не выдержать.

И я вспоминаю - турецкий кофе на озере Рица -
И вертельную рыбу, отражённую бездонностью неба,
Восточный кофе и отварную форель,
Розово-нежную, - на озере Севан,
Зелёный кок-чай под чинарой возле пруда
В небесноголубокоглазурнокупольном Самарканде,
Армянский коньяк в тифлисском грузинском подвальчике,
Пустом, - и расписанном сплошь вывесками Пиросмана,
Огромный глинянокрасный кувшин розовозолотого вина
В помпезноветхой хинкальной библейского Еревана,
Прекрасные, с взбитыми сливками, блинчики - к кофе
По-варшавски - в готическо-шершавом квартале Риги,
Грубоватое барокко львовских кофеен,
Горячий грог в деревянной карпатской корчме,
Херёс "Таврический" - у дымящегося камина -
В занесённом снегом одиноком "Шалаше",
В зимнем Крыму,
Высоко на скале - над морем - у поднебесных
Байдарских Ворот.

... Но, глядя на воду канала
С отражённым в ~~в~~ перспективе изразцово-луковокупольным
Поминальным храмом в стиле рюс, я чувствую, что готов
Взорвать динамитом ностальгическую деку воспоминаний
И эстетических впечатлений, Променять их - на чашку кофе в Латинском Квартале,
На рюмку виски - недалеко от Пиккадилли, -
На взгляд с подвесного моста в воды Ист-Ривер,
Восточной Реки, что, сливаясь с Гудзоном -
Под грохот всех клавикордов мира, -
Образуют залив Аппер-Бей, в котором
На островке Либерти
Громоздится нескладная, претенциозная - новомодного
французского классицизма, - складчатомедная
Фигура
Богини
Свободы.

1984, февраль

~~Четыре бременя — четыре пензажа~~

1. Летний сад
(Petropolis)

Ю. Смирн

Летний сад — мой огород
(из письма поэта)

Сад летний

Тетра —
корабельный Трап —
~~Тетра~~

Парящая над дельтой Трапезия —
Петрополь иллижеский просекиум —
Лесистая сатрапия

языческих италийских идиолов.
Евклидово неравнобедренное каре —
Тетрагональный остров

среди вод Невы,
фонтанки и Мойки,
и лебедьей канавки.

Лес, просека, пруд,
лебединый парад:

Сад летний

Тетра —
Пасторальный театр.
Пантеон античных богов

под сенью северных лип
Лавры славы, атрибуты триумфа,
Мраморные, вздутые ветром, драпировки —
волны ~~отвердевшего~~ ритма.

будто отвердевшего

2. Инженерный Замок (Санкт-Петербург)

В садах заснеженных нордической Пальмиры,
 Что новый Римляни — в содружестве с Тевтоном —
 Назергал,
 Я прощкаю взором сквозь пределы мира,
 Быть узником в котором
 Надменный жребий мне повелевал.

Медузы медной взглядом лихим и холодным
 К замидебелому граниту пригвождённый —
 Что тот Евгений, мраморовой Бести наездник, —
 Как мореплаватель пред выбором альтернативным,
 Я застываю —
 в Петрограде сизильный и харибдный.

Средь тастокола ликторских расщипических пугков,
 Топориков их двудеинных — славься Янус! —
 Брожу, страшась нещадно римских децимаций
 И диалектики китайской
 расчленения на Инь и Ян.

И, как на эшафоте,
 на мосту гранитном и горбатом,
 Где резка Мойка от реки Фонтанки образует
 сток,
 Сквозь редкую завесу снегопада
 Зловещий вижу —
 цвета жухлой крови, с порфирным крыльечком.
 Инженерный Замок.

За ним — на серам, и как бы надгробном, пьедестале —
застывший в бронзе конный римский император:
Он Прадеда державного олицетворяет
Владельца Замка,
Что Праправнуком Статуи благополучно (за портверой)
умеривлен.

Теперь здесь марксистская библиотека,
А в четырех (или пяти) кабельтовых к Норд-Осту
Есть новал злобная обитель,
Что громозрится страшном мавзолеем...
(однако то — уж за пределом темн).

3. Дворец и мост зимой (Петроград)

Мост, пролёт,
Лишь льда:
Меж гранитов лёд
Слюдой зеркал.

Гранит и лёд —
Плацдарм двора,
Зелёный лёд
На мшах двора.

Зелёность двора
В зеркалах льда:
Злее зеркал
Лишь двора.

Сколы льда —
Слюдяной кристалл.
Двора мша
Зеленеет оскал.

Мост, пролёт:
Лишь — лёжа

4. Дельба (ст. дробится)